

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧА ІСТОРІОГРАФІЯ

УДК 821.161.1–3Арц09

Алла Кудина

РОМАН М. АРЦЫБАШЕВА „САНИН” В ОЦЕНКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Поддаються погляди сучасних дослідників на творчість М. Арцыбашева в цілому та роман „Санін” зокрема. Відзначаються особливості інтерпретації роману „Санін” з позицій естетики реалізму, структуралізму та постмодернізму.

Ключові слова: інтерпретація, реалізм, постмодернізм, структурний аналіз.

М. Арцыбашев относится к числу незаслуженно забытых русских писателей начала XX века. Его лучшие произведения – роман „Санін”, повести и рассказы „Смерть Ланде”, „Человеческая волна”, „Тени утра”, „Деревянный чурбан”, „Подпрапорщик Гололобов” и др. – были переизданы только в 1990-е годы одновременно с „вычеркнутыми” в своё время из истории русской литературы произведениями А. Ремизова, Б. Зайцева, И. Шмелёва, Д. Мережковского, В. Розанова и ещё многих писателей, чьи имена когда-то были любимы сотнями тысяч русских (и не только русских) читателей. Но „возвращение” М. Арцыбашева в русскую литературу на фоне перечисленных выше писателей оказалось не столь ярким, как хотелось бы. Тому много причин, и основная из них: то, что скандальная репутация, как шлейф тянущаяся за ним после издания романа „Санін”, затмила художественную сторону его дарования не только для читателей начала XX столетия, но и для читателей начала XXI века.

Главный принцип своего творчества М. Арцыбашев определил следующим образом: „Я – художник, я не имею права обманывать, не имею права „творить легенду”... Я хочу творить только правду” [5, с. 363]. В литературной критике начала XX века оценки М. Арцыбашева колебались от резко отрицательных до умеренно положительных: одни критики называли его „реалистом пола, проникающим в самые низы человеческой природы”, „пропагандистом социального пессимизма и аморализма”, „натуралистом, которому мог бы позавидовать Золя”; другие – „тонким психологом”, „прекрасным живописцем природы”, „крупной литературной величиной” и т.п. Тем не менее полускандальная известность и поверхностная, не учитывающая полемической направленности его творчества, однобокая характеристика М. Арцыбашева как автора прежде всего романа „Санін” надолго возобладали, оформившись в репутацию „бульварного писателя”, „литературного ремесленника”, „модного представителя упаднической литературы”: „... меня понимали всегда как-то с одной стороны, часто навязывая мне идеи, которые я или совсем не имел в виду, или касался

только мимоходом, стремясь к другой, для меня – главной, цели. Вспомните, что в „Санине” большинство увидело проповедь свободной любви, а в „Последней черте” – проповедь к самоубийству” [5, с. 362]. И только в наши дни, когда появилась возможность прочитать произведения М. Арцыбашева заново и непредубеждённо, такой взгляд на его творчество был несколько поколеблен: „Произведения некогда забытого автора вызывают неоднозначное к себе отношение. Не всё написанное им художественно равноценно. Но, несомненно, его значение не исчерпывается сложившейся литературной репутацией... Совершенно очевидно, что без Арцыбашева, как и без других художников, несправедливо забытых, пришедших к читателю с опозданием, наши представления о русской литературе начала века не могут быть объективными и полными” [1, с. 413].

К сожалению, и сегодня в литературной среде М. Арцыбашев воспринимается как автор одного произведения – „нищепанского” романа „Санин” (1907), публикация которого сделала писателя не просто знаменитым, но – скандально знаменитым. Может быть, поэтому серьёзной литературоведческой оценки творчество М. Арцыбашева до сих пор не получило. Между тем такая необходимость назрела. Но для того, чтобы произведения М. Арцыбашева были оценены по достоинству, прежде всего необходимо снять ореол скандальности с романа „Санин”...

Цель нашей статьи – проанализировать отношение современных литературоведов к творчеству М. Арцыбашева в целом и к роману „Санин” в частности.

Переиздание в конце 1980-х – начале 1990-х годов после шестидесятилетнего перерыва скандально известного романа „Санин”, а также сборников повестей и рассказов М. Арцыбашева вызвало определённый интерес к его творчеству не только в читательской среде, но и в научных кругах. Из последних работ о творчестве М. Арцыбашева наше внимание привлекли статьи Б. Парамонова „Голая королева: русский нигилизм как культурный проект” (Санкт-Петербург, 1995) и Я. Левченко „Об одном персоналогическом типе в прозе М.П. Арцыбашева” (Тарту, 1995), а также диссертация И. Жиленко „Роман М.П. Арцыбашева „Санин”. Проблематика и поэтика” (Харьков, 2006).

В статье Б. Парамонова роману М. Арцыбашева посвящена одна глава „Вокруг „Санина””: критик настаивает на современном звучании санинской философии, на созвучии её постмодернистской эстетике. Успех романа он связывает с тем, что „Санин – идеолог, что он принёс в Россию некую новую мысль” [4, с. 211]. Роман М. Арцыбашева, по мнению Б. Парамонова, отвечал исконной русской потребности в вероучении: „И то, что на этот раз проповедовался не долг перед народом, не крестьянская община и не диктатура пролетариата, а свобода пола, было громадным культурным сдвигом. Ставился очень серьёзный вопрос: даже не о чувственном раскрепощении человека, а о критике отчуждающей культуры, о культуре как отчуждении” [4, с. 211].

Критик полагает, что эта тема отчасти вышла на поверхность уже у писателей-шестидесятников в форме нашумевшего тогда „женского вопроса”: „Форма была неадекватной, компромиссной, как у всякого влечения, подвергнувшегося культурному вытеснению: хотели говорить о сексе, а говорили о правах женщин” [4, с. 213]. В романе М. Арцыбашева тема сексуального влечения впервые была названа по имени. Отсюда – его „грандиозный успех, превзошедший уже подзабытых к тому времени нигилистов, но и напомнивший о них, правильно установивший генезис явления” [4, с.213].

По Б. Парамонову, нигилизм (разрушение эстетики) – начало бунта против репрессивной культуры; свобода пола – основа нерепрессивной культуры: „Проблема пола в общекультурном развороте шире сексуальности как таковой, это проблема нерепрессивной культуры – подлинная тема двадцатого века, вне всякого сомнения, переходящая в двадцать первый: совлечение культурных покровов в чувственном бунте, вываливание в грязи как мировоззренческая манифестация” [4, с. 213]. Нигилистическое культуроборчество Б. Парамонов – вслед за Ивановым-Разумником – сравнивает с разоблачением капустного кочана: снимают лист за листом – религию, метафизику, мораль, искусство – и остаётся кочерыжка... По-мнению критика, психосексуальная модель такого мировоззрения – желание раздеть женщину. Это и стояло за „совлечением культурных покровов”: „Не метафизика нигилистам мешала, а ... отчуждающая, „одевающая”, репрессивная культура: культура как закон, норма, „король”. Такой король, раздетый, – действительно „кочерыжка”. Но голая королева – прекрасна. Это правда нашего века и нашей культуры – правда демократии, раздевающей если не королев, то принцесс. Эстетика демократии – уже не авангард, а то, что называют „постмодернизмом” [4, с. 215]. Постмодернизм характеризуется „несерьёзным”, игровым отношением к культурным ценностям, он тоже разрушает эстетику как метафизический принцип, не верит в субстанциальность, реализм красоты, духовности, морали. Но это не мешает их ироническому приятию: „... это и есть итог, русский итог, – превращение нигилизма в скепсис. Не отрицание, а ироническое всеприятие. Нигилизм должен быть не пафосом, а иронией...” [4, с. 216].

Конечно, заманчиво попытаться прочитать арцыбашевский роман с позиций постмодернистской эстетики – статья Б. Парамонова откровенно к этому подталкивает. Но мы ясно отдаём себе отчёт в том, что постмодернистская интерпретация романа „Санин” (какой бы современной она ни казалась) в любом случае окажется неадекватной: М. Арцыбашев (и его *alter ego* – Санин) в своём „эпикурейском цинизме” менее всего ироничен!

В статье Я. Левченко „Об одном персонологическом типе в прозе М.Арцыбашева” (1995) сопоставляются главные герои двух произведений – повести „Смерть Ланде” (1904) и романа „Санин” (1907). На первый взгляд, соотношение этих, казалось бы, совершенно

противоположных персонажей может показаться непродуктивным, однако не следует забывать о том, что Санин упоминает Ланде как своего старшего друга, под влиянием которого он находился достаточно длительное время, т.е. рассматриваемые произведения – на что прямо указывает автор статьи – фабульно связаны: события повести „Смерть Ланде” предваряют события романа „Санин”. Я. Левченко отвергает устоявшееся, закреплённое в научных публикациях и учебных пособиях мнение о Санине как о „вульгаризированном ницшеанце”, а о Ланде – как „свекловице” и „кислом дураке”. Более того, он полагает, что с аналитической точки зрения противопоставление Санина и Ланде нерелевантно, так как “Арцыбашев, подразумевая не конкретную личность, а именно тот тип, своего рода схему, сознательно упрощённую в угоду большей рельефности, осуществил подтверждение своего высказывания, зафиксированного несколько позже: „Человека обряжали в плащ индивидуализма, надевали хитон христианина, а он, одетый и голый, равно упорно оставался если не зверь зверем, то свинья свиньей” [3, с. 69].

Сопоставляя гедониста-Санина и альтруиста-Ланде, Я. Левченко исходит из того, что „герой Арцыбашева на уровне поведенческой структуры остаётся неизменен, это – человек, вытесненный из социума вследствие непонимания и последующего отрицательного отношения” [3, с. 70]. Пожалуй, следует согласиться с автором статьи, что не лишённые некоторой карикатурности, гротескности, герои М. Арцыбашева всегда выполняют функцию подопытного животного: „Это „животное” – своего рода возмутитель спокойствия, оно не устраивает тот мир, в котором обитает (*persona non grata* – А.К.). Зерно совести (или „социальный страх” по З.Фрейд) отсутствует как у Санина, так и у Ланде. В первом случае герой обнаруживает стремление быть богочеловеком, которому дозволено всё, во втором же происходит возведение запрета в абсолютную истину” [3, с. 70]. Автор статьи указывает на то, что „поступки героев одинаково представляются своего рода ересью, и то, и другое – проявления индивидуалистические”: „Если для Санина отсутствуют условности этикета..., он прямо заявляет о человеке как о царе, „боящемся собственной тени”, который „создаёт призрак, условие, мираж и страдает”, а следовательно, не заслуживает уважения”, то Ланде, воплощая собой отказ от всех ценностей, „репрезентирует отнюдь не жертву во имя чего-либо, а, напротив, нежелание что-либо делать” [3, с. 71-72]. Именно так, по мнению Я. Левченко, пассивность Ланде могла расцениваться критикой, для которой „ритуализованная жертвенность интеллигента и, тем паче, христианина, была обязательной, а оппозиция + / – являлась краеугольным камнем любого околотекстуального дискурса” [3, с. 72].

Особый интерес вызывает попытка Я. Левченко соотнести структуру арцыбашевского текста с выводами, вытекающими из работы В. Проппа „Морфология сказки”: „Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия и функции...” и т.д. [3, с. 72]. Автор статьи напоминает, что ещё А.-Ж. Греймас и

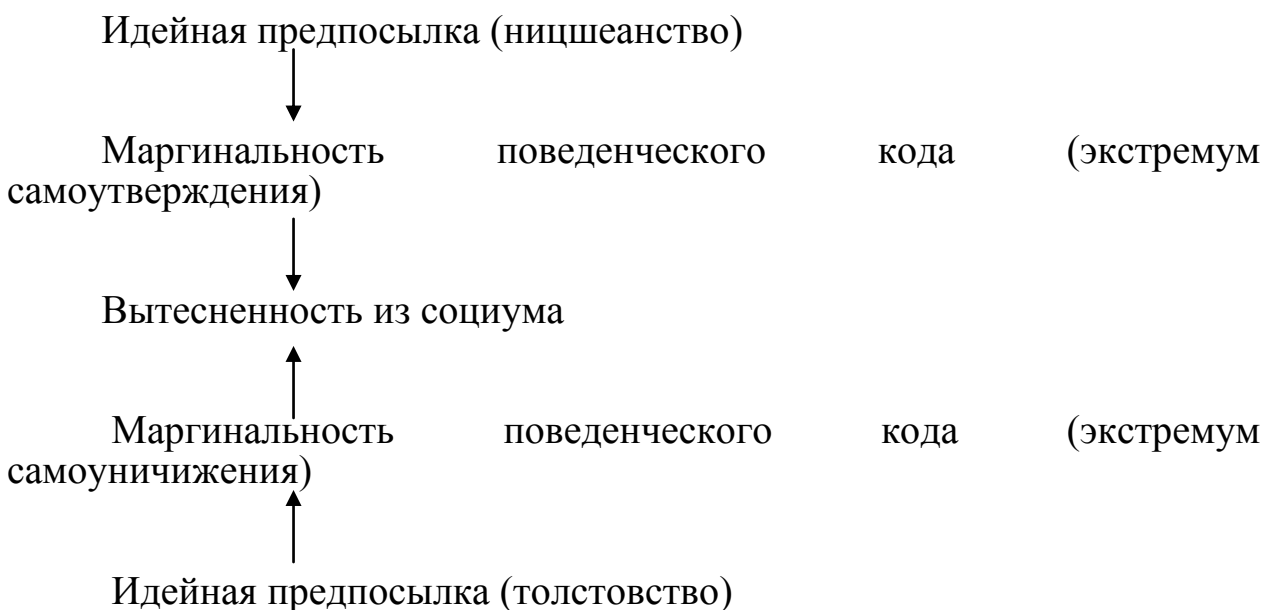
К. Леви-Стросс, вслед за опытами структурного описания сказки, спроецировали те же принципы на описание мифа как расширенного контекста сказки, где немаловажную роль играет собственно повествовательная функция. Сходную роль Я. Левченко отводит и рассматриваемым текстам М. Арцыбашева, которые, являясь по единодушному мнению критиков „сверхнатуралистичными”, всё же „недалеко ушли от схематизированного дидактического строя мифологического текста. Для Санина и Ланде не важен вопрос: „Как это делается?”, образы героев односторонни и закреплены в замкнутом пространстве того, что им приписано” [3, с. 73].

Для идентификации функциональной структуры персонажей Я. Левченко применяет метод, предложенный в статье К. Бремона „Логика повествовательных возможностей”, где истолкование гипотезы В.Проппа расширяется до охвата всех вариантов нарративного текста: „Бремон считает, что в функциональном отношении у героя существует выбор между двумя последовательностями поступков, одна из которых заканчивается победой, а другая – поражением, т.е. при наличии общей отправной точки события могут развиваться в двух, на первый взгляд, разных плоскостях, на деле оказываясь зеркально симметричными друг другу, ведь последовательность и механика одних событий тождественны механике других” [3, с. 73]. Возвращаясь к исходному материалу, Я. Левченко отмечает, что „в сфере поведенческих характеристик Ланде и Санин подчёркнуто индивидуалистичны, с той лишь разницей, что Санин – нищепанский гедонист, подчёркивающий, что „как правота перед собой достигается – всё равно: это дело случая и обстоятельств”, а Ланде – толстовец, который, несмотря на это, руководствуется исключительно собственными интересами. Позиции обоих персонажей – крайности, две стороны одного и того же понятия, и, таким образом, индивидуализм является стимулом, который, порождая различные особенности на частных уровнях, остаётся неизменным смысловым континуумом на уровне обобщённом и схематизированном” [3, с. 73].

Разумеется, автор статьи приходит к выводу, что „из индивидуализма вытекает и оторванность героев от общества” [3, с. 73]. Адекватная рецепция окружающих невозможна, так как Санин и Ланде принципиально им противоположны: „... тексты поведения Санина и Ланде строго уравновешены в плане ритуализованности. Все поступки обусловлены их приписанностью к определённому культурному типу, не означенному конкретно, но представляющему в любом случае оппозицию общепринятому” [3, с.74]. Сознательная схематизация героев и их поступков, по-мнению Я. Левченко, сообщает финалам обоих произведений полную функциональную тождественность: „... персонажи вынуждены не только духовно, но и физически вытесниться из прежнего смыслового поля и – в случае с Ланде – умереть в одиночестве, а в случае с Саниным – предпринять бегство в никуда, не имеющее цели вовне. Таким образом, повествовательный текст

многоуровневого реалистического жанра в обоих финалах уступает одномерности и жёсткой структурности” [3, с. 75].

Увязывая между собой вышеописанные функциональные варианты и конкретную реальность текста, Я. Левченко выделяет в качестве одного из промежуточных звеньев между мифологическим и многоплановым нарративным текстами зону „пограничного текста”, где „функция выводится из описываемого положения, а не наоборот – из жёсткой установки на определённое действие” [3, с. 75]. В результате он предлагает следующую последовательность между мифологическим и нарративным текстами:

Как известно, К. Бремон выводит последовательность функции из какой-либо исходной ситуации, которая впоследствии может детерминировать развитие в противоположные стороны. Здесь, по К. Бремону, исходная ситуация – вытесненность из социума; а движение – от единого центра к различным точкам периферии. По Я. Левченко же, в “пограничном тексте” происходит смена направления движения: „...несколько (минимум – две) единицы в своей функциональной деятельности оказываются подчинёнными единому смысловому знаменателю” [3, с. 75]. Таким образом, очевидно, что структурный анализ ещё далеко не исчерпал свои возможности и по-прежнему остаётся актуальным методом исследования художественных произведений.

В диссертации И. Жиленко „Роман М.П. Арцыбашева „Санин”. Проблематика и поэтика” (2006) арцыбашевский роман оценивается с позиций современной методологии в контексте творчества писателя и литературного процесса начала XX века. Диссертация включает в себя четыре раздела. В первом разделе „Арцыбашев и философско-этические поиски в русской литературе конца XIX – начала XX вв.” характеризуются особенности литературного процесса в России в переходный период, обозначаются наиболее важные проблемы, вокруг

которых велись споры (среди них – пути развития России; человек и общество; женская эмансипация; половой вопрос...), освещаются социально-философские взгляды М. Арцыбашева. В частности, отмечается, что М. Арцыбашев попытался синтезировать в своём романе идеи Ф. Ницше, Ч. Дарвина, К. Маркса, З. Фрейда и других мыслителей с целью создать новую концепцию человека: „Домінуючою і всеосяжною ідеєю його світогляду була ідея свободи людини” [2, с. 5].

Во втором разделе „Роман Арцыбашева „Санин” в оценке критики” анализируются критические отзывы на роман. Вся научно-критическая литература, посвящённая роману „Санин”, в диссертации делится на три периода:

- со времени выхода романа (1907) до 1917 г.;
- с 1917 г. до начала 1990-х гг.;
- с 1990-х гг. до настоящего времени.

Автор диссертации отмечает, что в первый период велась острая полемика вокруг романа, – М. Арцыбашева обвиняли в проповеди порнографии, индивидуализма, идей Ф. Ницше: „Марксистська критика (А. Луначарський, В. Воровський, Л. Троцький) вбачала в романі прояв деградації буржуазної моралі, а в його авторіві – представника антиреволюційної літератури, зрадника інтересів народу. Твір засуджували як аморальний критики-народники, церковні діячі, педагоги, лікарі. Але були й такі письменники і критики, які позитивно оцінили роман...” [2, с. 6]. В годы советской власти – указывает И. Жиленко – в литературоведении господствующей была марксистская концепция творчества М. Арцыбашева: „Історики літератури характеризували роман лише негативно” [2, с. 7]. В диссертации отмечается, что отношение к творчеству М. Арцыбашева и, в частности, к роману „Санин” изменилось в начале 1990-х годов: „У цей час з’явилося чимало загальних статей про творчість письменника, в яких наголошується думка про те, що без Арцибашева, як і без інших забутих письменників, наші уявлення про російську літературу початку ХХ століття не можуть бути повними і об’єктивними” [2, с. 7].

Третий раздел диссертации „Проблематика романа „Санин” состоит из четырёх подразделов: в первом анализируется философия романа; во втором – образ Санина; в третьем – система второстепенных героев; в четвёртом – авторская позиция. И. Жиленко отмечает, что проблематика арцыбашевского романа сложна и противоречива, поэтому „однозначно оцінювати її не можна”: „... роман “Санін” викликав великий суспільний інтерес тому, що в ньому були поставлені гострі філософські та морально-етичні проблеми, які хвилювали суспільство на початку ХХ століття. У творі сфокусовано всі основні філософські вчення, які були в центрі тогочасної суспільної уваги” [2, с. 7, 15]. Оценивая философию Санина, автор диссертации учитывает её полемическую направленность относительно различных теорий, проповедававших аскетизм и терпимость. По-мнению И. Жиленко, Санин как носитель новой философии “є модифікацією „естественного человека”, досить широко представленого у світовій літературі. На

проти вагу героям Ж. Руссо і Л. Толстого він не намагається ізолюватися від суспільства, злитися з природою, опроститися, а живе в реальному соціумі, кинувши виклик існуючим у ньому законам моралі. Виступаючи за свободу, засуджуючи вериги, що сковують людину, Санін бачить сенс життя в абсолютній свободі, в „удовлетворении своих естественных желаний” [2, с.15].

На основанні того, що призыв к свободе, к полноценной жизни, к естественным отношениям между мужчиной и женщиной не может не импонировать людям нашего времени, в диссертации делается следующий вывод: „... вердикт, винесений твору попередньою критикою як аморальному, вимагає перегляду” [2, с. 15]. Вместе с тем, И. Жиленко оговаривает, что высказывания героя об абсолютной свободе, о наслаждении как смысле человеческой жизни, о роли женщины противоречат законам морали цивилизованного общества. Таким образом, отношение к арцыбашевскому герою у автора диссертации несколько противоречивое: с одной стороны, она вроде бы признаёт прогрессивность его взглядов, а с другой стороны, осуждает его за пренебрежение „моралью цивилизованного общества”, несмотря на то, что именно этот „эпикурейский цинизм” делает Санина Саниным.

В диссертации рассмотрен вопрос о ценностной ориентации не только главного героя, но и автора произведения, – И. Жиленко пытается выяснить, в чём сходство и отличие их позиций. На основе сопоставления высказываний М. Арцыбашева в публицистических статьях и письмах с мировоззрением Санина автор диссертации приходит к выводу, что „погляди автора і його героя значною мірою збігаються, проте сам герой не ідеалізується” [2, с. 10].

Четвёртый раздел диссертации „Особенности поэтики романа” посвящён проблемам жанровой типологии, принципам изображения героев, исследованию пространственно-временной организации произведения, его стилевых констант. Здесь отмечается, что доминантой идейно-художественной структуры романа „Санін” является жанр – „філософський роман, який передбачає зображення крупним планом головного героя як носія певної філософії” [2, с.11]. В связи с тем, что проблематика арцыбашевского романа замыкается на образе главного героя, а само произведение представляет собой его развёрнутый портрет, „Санін” сравнивается с подобными произведениями русских писателей XIX века – прежде всего с романом „Отцы и дети” и повестью „Вешние воды” И.Тургенева: „Арцибашев відкрито полемізує з морально-філософськими ідеями Тургенева: те, що в поведінці тургенівського героя видається аморальним, для героя Арцибашева стає нормою життя” [2, с. 11]. В хронотопе романа „Санін”, по мысли исследовательницы, воплощается концепция „естественного человека”: „... персонажі живуть у природному часі-просторі, в єдності з природою, насолоджуючись життям, не думаючи про наступний день” [2, с. 12].

Среди наиболее важных особенностей стиля романа М. Арцыбашева называются: психологизм („Палітра використання

засобів психологічного аналізу в романі дуже багата: авторська характеристика, внутрішній монолог, сповіді, сни, невласне пряма мова, потік свідомості”), описательность („У романі „Санін” немає гострого сюжету, динаміки характерів героїв... Арцибашев не користувався такими засобами зображення героя, як родовід, біографія, пряма авторська оцінка, приділяючи основну увагу вчинкам, портрету і – що особливо важливо – світогляду”) и диалогичность повествовательной структуры: „Вона обумовлена жанровою особливістю філософського роману, для якого характерні боротьба думок, полеміка між людьми різних поглядів” [2, с. 13].

На основе анализа поэтики романа „Санін” в диссертации делается вывод о том, что “творча манера письменника вписується в магістральний реалістичний напрям російської літератури” [2, с.16]. М. Арцибашев характеризується как оригинальный художник-реалист, наследник творческих традиций Ф. Достоевского и Л. Толстого. В свою очередь, роман „Санін”, „який правдиво відобразив ідейні пошуки інтелігенції в Росії на початку ХХ століття і поставив гострі проблеми людського буття”, по-мнению И. Жиленко, с позиции нашего времени не может считаться порнографическим. „Талановитий твір письменника-реаліста, – считает исследовательница, – повинен посісти своє місце в історії російської літератури ХХ століття” [2, с. 16].

1. *Еременко Л.; Карпова Г.* Хотел быть услышанным // Арцибашев М.П. Санін; Кровавое пятно; Рабочий Шевырев; Деревянный чурбан. – Кемерово, 1990. – С. 406-413.
2. *Жиленко І.Р.* Роман М.П. Арцибашева „Санін”. Проблематика і поетика: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.02. – Харків: ХНПУ, 2006. – 20 с.
3. *Левченко Я.* Об одном персоналогическом типе в прозе М. Арцибашева // Русская филология. – Тарту, 1995. – № 6. – С. 68-77.
4. *Парамонов Б.* Голая королева: Русский нигилизм как культурный прехт // Звезда. – СПб., 1995. – № 6. – С. 208-216.
5. „Я человек жизни, и только жизни, земной, человеческой...” Письма М.Арцибашева // Вопросы литературы. – 1991. – № 11/12. – С. 352-371.

Summary

The views of modern investigators of M.Artsybashev’s creative activity as a whole and of the novel „Sanin” in particular are examined in the article. The peculiarities of the interpretation of the novel „Sanin” from a position of the aesthetics of realism, structuralism and postmodernism are defined.

Key words: interpretation, realism, postmodernism, structure analysis.

Стаття надійшла до редколегії 19.10.2007